

Лука Каримова

16+

МИНУЯ ЗЕРКАЛА



Лука Каримова
Минуя зеркала
Серия «Валентор», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48509227

SelfPub; 2021

Аннотация

После смерти мужа мне хотелось оградить себя и дочь от окружающей действительности, забыться крепким сном. Но вместо этого я оказалась в другом мире, где мне дали выбор – побороться за руку лорда и вернуться домой либо остаться и работать на благо незнакомой страны. Я не боюсь препятствий и добьюсь поставленной цели, а лорд мне в этом поможет!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	46
Глава 4	74
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Лука Каримова

Минуя зеркала

Глава 1

В этом году осень наступила незаметно – с облетевшей листвой, плавающей в зеркальных лужах, по которым шлепали дети, и морозящими ночи напролет дождями, под чей стук я любила засыпать.

Осень – самое прекрасное время года, ведь именно тогда, девять лет назад, я вышла замуж за любимого человека.

Мы с Кириллом познакомились на пикнике, в компании общих друзей. Мне было двадцать, ему на год больше. Сначала не обратили друг на друга внимания и сидели на бревне, как два нахохлившихся воробышка, а затем слово за слово... и завязалась беседа, из которой поняли, что не хотим прекращать общение.

На первом свидании мы сходили в театр, на втором была картинная галерея, после которой Кирилл сказал, что не любитель подобных мест и... я призналась, что тоже.

Мы решили оставить культурные места другим парочкам, а сами отправились на романтические променады по старинным усадьбам. В долгих прогулках под одним зонтом – разговаривали обо всем, нам было легко и приятно, словно мы

знали друг друга целую вечность. В кафе за горячим чаем с лимоном – я увидела в Кирилле именно того человека, с которым хотела прожить всю жизнь. Вскоре мы сыграли свадьбу.

Это важное для каждой девушки событие произошло в сентябре. Месяц выдался на удивление теплым и без дождей. Улицы и газоны укрывала пестрая листва.

Я была в белоснежном свадебном платье – полупрозрачные, как паутинка, рукава облегали мои руки, на пальце блеснул тонкий ободок кольца из белого золота с крохотной песчинкой драгоценного камня; рядом возвышался мой новоиспеченный муж в черном приталенном костюме с бутоньеркой из белой каллы.

Он крепко обнимал меня – свою маленькую жену – и, окруженная природной красотой, я чувствовала себя счастливой как никогда.

Я очень обрадовалась тому, что наконец-то у меня появится большая и дружная семья. Воспитывала меня только мама – отца я не знала. Мне всегда хотелось быть окруженной многочисленными родственниками: веселыми братьями и сестрами, заботливыми бабушками и дедушками, хохотушками-тетушками и умудренными опытом дядюшками.

К сожалению, моего желания сродниться никто из семьи Кирилла не разделял.

Его мать – Елизавета Рудольфовна – высокомерная дама с царственной осанкой и аристократичными манерами, обладала несколько склочным характером, высказывая свое мнение по каждому поводу и без.

Если в начале наших с Кириллом отношений она сдерживала свои истинные чувства, ведя милые беседы в большой кухне с самой навороченной техникой и демонстрируя, какой у ее семьи достаток, то неожиданная новость о свадьбе сняла с нее маску дружелюбия, о чем мне доходчиво объяснили, вылив на меня «ведро помоев». Жена известного профессора-физика посчитала меня недостойной партией для своего сына.

Так же считала и ее дочь Алиса, младшая сестра Кирилла. На тот момент ей было шестнадцать лет. К сожалению, от матери эта девочка не унаследовала ничего, кроме стервозного характера и высокомерия. Даже внешностью она пошла не в черноволосую роковую мать, а в бледного, с тонкими светло-русыми волосами и мутно-голубыми глазами отца семейства – Геннадия Викторовича.

Об этом нелюдимом и молчаливом мужчине с уверенностью можно было сказать лишь одно – профессор.

Мое общение с ним сводилось к вежливым приветствиям и прощаниям, поскольку кроме физики и вечных диссертаций, о которых он не переставал думать, Геннадия Викторовича ничего не интересовало. Поэтому бразды правления в их браке захватила Елизавета Рудольфовна.

Именно она решала, кто достоин ее детей, а кто и мизинца их не стоит. Я относилась к последним – простая девушка, с абсолютно тривиальным образованием заочного отделения и такой же работой секретаря. Симпатичная, но не красавица, воспитанная матерью-одиночкой, и с отсутствием «приданного». Мышь – вот кем меня считала Елизавета, при каждом удобном случае попрекая тем, что ее сыну досталась ужасная жена. На недовольство матери Кирилл смотрел сквозь пальцы, терпеливо ожидая ее ухода. Он надеялся, что с рождением ребенка отношение матери ко мне улучшится, но ошибся.

Перед свадьбой я узнала, что у Кирилла с Алисой, оказывается, был еще и старший брат, который в семнадцать лет покинул Россию, перебравшись жить в Штаты. Семью он навещал редко, а заговаривали о нем еще реже, что меня удивило. Будь у меня старший брат, я бы не захотела с ним прекращать общаться, несмотря на переезд в другую страну. Детальнее об их отношениях Кирилл не рассказывал, разве что один раз упомянул брата по имени, которое я не запомнила.

Свадебный банкет мы покинули раньше всех гостей и тут же улетели на отдых в Швейцарию. Нас ждали горы, озера и целая неделя любви.

Через год я родила дочь. Это произошло после очередной обвинительной речи свекрови, и меня с преждевременными родами увезла «скорая».

С тех пор Кирилл кардинально поменял мнение о матери. Их отношения стали прохладными, у нас дома они с Алисой

стали бывать все реже, чему я несказанно обрадовалась. Появились новые заботы, и в них не было места склокам.

Для Елизаветы рождение внучки оказалось весьма незначительным событием. Она считала, что появление наследника имело совсем другое значение: сын – продолжатель рода Калиновских, а не дочь, копия меня.

Свекровь не особо интересовалась Снежкой, подарков не дарила, вниманием обделяла, сухо поздравляла с днем рождения, а когда появлялась в гостях вместе с Алисой, приторно сюсюкалась с молчаливым ребенком. Снежка дичилась их, как двух незнакомок, и всегда пряталась то за мной, то за Кириллом.

Наша маленькая Снежинка, как называла ее моя мама, была любознательным и творческим ребенком. Она обожала рисовать, собирать мозаики, читать красочные книжки со сказками, а позже увлеклась лепкой.

Мы с ней посетили совместные курсы матерей-дочерей по гончарному делу, откуда принесли Кириллу кособокие чашки и расписанные узорами тарелки. В тот вечер муж долго смеялся, но чай пил из поделки дочери. Эта посуда до сих пор хранится в нашем кухонном шкафчике. Немного погодя моя мама научила внучку вязать крючком и вышивать крестиком. На пятилетие мы с мужем подарили Снежане графический планшет для рисования и набор для бисероплетения.

От Кирилла дочь унаследовала серо-голубые глаза, а от меня – волосы мышиного цвета, курносый нос и губки в фор-

ме сердечка. Она взяла от нас все лучшее и должна была вырасти настоящей красавицей.

Характером Снежка также пошла в нас обоих: спокойствие отца плюс мое упрямство. Если она чего-то не хотела, то было бесполезно ее заставлять.

Ребенок стал воплощением нашей с Кириллом любви, желанный лучик света, которому я радовалась каждый день, особенно после гибели мужа. Автомобильная авария, мгновенная смерть.

Елизавета Рудольфовна меня к нему даже не подпустила: на опознание ездила сама, похоронами занималась тоже она. Была бы ее воля, то и к могиле Кирилла свекровь не разрешила бы подойти, обвиняя меня в смерти горячо любимого сына.

Золовка также не отличалась тактом и на мой вопрос «Почему же я виновата?» ответила, что в тот день Кирилл должен был остаться ночевать у них, но из-за моего сообщения поехал к нам со Снежаной. А ведь я ему написала только то, что соскучилась и с нетерпением жду возвращения.

Словесными обвинениями в мой адрес их порывы не закончились, и бывшая свекровь решила лишить меня оставшейся нам со Снежаной квартиры. Но поскольку та была нажита в браке, и в ней прописаны мы с дочерью, свекровь только зря тратила деньги на юристов. Только в своих снах она видела, как выгоняет невестку с приплодом. Я, по ее мнению, была виновата одним своим существованием в этом

мире.

Моя мать – Бронислава Константиновна Вольская, юрист от бога, узнав о кознях Елизаветы, которую терпела только ради меня, взяла на работе двухнедельный отпуск и примчалась ко мне для поддержки.

Мама была волевой женщиной. Она выросла в благополучной, но стесненной в средствах семье учителей. С самого детства грызя гранит науки, она получила заслуженную золотую медаль. Окончив юридический факультет с красным дипломом, удачно устроилась на работу в суд по специальности «уголовное право».

Мама гоняла на старом «Фиате», курила сигареты «Капитан Блэк» и пила исключительно крепкий кофе.

За два дня до гибели Кирилла нашей дочери исполнилось пять лет, но вместо планируемой поездки в парк аттракционов мы отправились на похороны.

Ещё много дней я ходила по квартире из комнаты в комнату, то обнимая свитера Кирилла, то надевая его футболки. Вдыхала запах подушки по ночам, надеясь, что в замочной скважине повернется ключ, и муж войдет в квартиру со знакомой фразой:

– Родная, я дома! Задержался на работе. Представляешь, что Кешка опять учудил со своими договорами?

Но меня окружала тишина. Ни одну из его вещей я не отдала свекрови, которая даже пыталась взломать дверной за-

мок, чтобы проникнуть в нашу квартиру и унести все, что касалось ее мальчика. Тут уж я не выдержала и пригрозила вызвать полицию.

Прошло три недели после похорон, и одному богу известно, как я их пережила. Все дни для меня слились в поток нескончаемых слез, криков в подушку до хрипоты, чтобы дочь не слышала, и завываний под струями душа за закрытой дверью ванной.

Шеф, видя мое состояние, впервые за годы работы обнял меня, как родную дочь, и пожалел. А затем в своей военной манере строго приказал не появляться, пока не приду в себя.

Сейчас мы с мамой сидели в светлой кухне за столом. Она неторопливо пила кофе из маленькой чашечки, периодически выдыхая сигаретный дым и буравя столешницу взглядом.

Снежана спала крепким сном в своей спальне. В связи с нервным потрясением врач прописал ей успокоительное, и теперь без этого лекарства моя девочка не могла уснуть.

На похоронах она тоже не проронила ни одной слезинки. Мы обе не могли принять произошедшее и только спустя пару дней в объятьях друг друга осознали, что навсегда потеряли нашего любимого мужа и отца.

Я сидела напротив мамы, прижав ледяные пальцы к горячему лбу – слез во мне не осталось. Моя душа опустела и покрылась ледяным безразличием.

Маму не на шутку встревожила моя апатичность, но она

старалась не показывать истинных чувств, понимая, что одной из нас необходимо оставаться сильной. Она не подбадривала меня вслух, осознавая, что слова не помогут, а садилась рядом, обнимала и гладила по голове.

В кухне пахло кофе и дорогими сигаретами, другие мы не курили. Хотя еще до брака с Кириллом я бросила, и вот снова...

– Может, мне забрать Снежинку и Барсика на дачу? – предложила мама, когда по кухне вперевалочку прошла «круглая подушка» из шерсти на четырех лапах. – Сейчас как раз малина поспела...

Барсик был большим рыжим котом, которого Кириллу отдал коллега по работе; муж принес домой крохотный комоч шерсти с тощими лапами и выпирающими ребрами, которые можно было пересчитать пальцами. Снежане тогда было три года, и она очень серьезно для своего возраста взялась опекать нового члена семьи, окружив его заботой, лаской и ода-ривая большими порциями корма.

Разговор о даче напомнил мне о том, как мы с Кириллом и Снежкой приезжали туда. Малышка проводила у бабушки каждое лето: мы собирали ягоды и яблоки, подвязывали огурцы на грядке, поливали цветочные клумбы и крутили банки с консервацией. Снежана обожала домашнее варенье и джемы, особенно из клубники и малины. Ей нравилось загорать на солнышке, лежа у меня под боком на старом покрывале, помогать Кириллу копать червяков для рыбалки,

лазить по нашему пыльному чердаку, бегать по кустам за котом и играть с соседскими мальчишками. Коту также приглянулся дом. Он любил вальяжно развалиться на черепичной крыше, с которой наблюдал за своей маленькой хозяйкой большими желто-зелеными глазами.

В один из летних месяцев мы поехали на море, но на протяжении всей поездки Снежана недовольно бурчала: «Хочу к бабушке в деревню». Две недели отпуска на побережье сократились до одной, и мы скорее помчались на дачу.

Дом достался моей маме от ее родителей, которые в свою очередь получили участок от государства, потому что мой дедушка был военным. Он сам заложил фундамент и построил теплый двухэтажный дом, приспособленный для жизни круглый год. Все наслаждались пребыванием в Подмосковье, особенно там нравилось Кириллу.

– Да, можно поехать, но я боюсь, что Елизавета Рудольфовна активизируется и наконец-то взломает нашу дверь. Она уже нанимала мастера, чтобы он снял ее с петель, – поделилась я последними новостями. – Хорошо, что Маргарита Анатольевна мне позвонила, и я успела приехать и выставить ее вон.

– Маргоша молодец, а эта курва спокойно вам жить не даст, – мама задумчиво побарабанила пальцами по столешнице. – Вот что, я уже договорилась с Витей, он работает в охранным агентстве. Подъедет со своими ребятами. Поста-

взяли тебе бронированную дверь, такую никто не снимет и не вскрыет, а заодно установят новый домофон с видеонаблюдением, – сказала, как отрезала, мать, туша сигаретный окурок в протянутой мной пепельнице.

– Спасибо, я предложу Маргоше взять мальчишек и составить вам на даче компанию. Снежинке необходимо развеяться, да и всем нам. Нужно еще перевезти вещи... – мое горло сдавил спазм, и мама участливо налила кофе в пустую чашку.

– Я рада, что ты решилась на это, – она одобрительно хлопала меня по плечу. – Нужно продолжать жить, нельзя сидеть в четырех стенах. У тебя есть дочка, ваше с Кириллом продолжение, вот и живи для нее. Об остальном не волнуйся, я сама наберу Марго.

Маргарита Анатольевна была моей соседкой по лестничной площадке. Она и ее сын со своей семьей жили вместе. Николай с женой Людмилой с утра до вечера работали, а бабушка заботилась о внуках – двойняшках Сашке и Димке.

Малыши познакомились в детском саду, и мы с Марго приятно удивились такому соседству. Когда моя мама не могла понянуть Снежку, я смело обращалась к Маргоше. Я всегда знала, что с ней моя девочка будет окутана заботой и лаской, ее покормят, отведут на прогулку, а компания мальчишек не даст заскучать.

По кухне поплыл аромат вишни – мама закурила новую

сигарету.

– Через неделю мне нужно выйти на работу, – пожаловалась я.

– Значит, выйдешь, раз готова к этому.

В кухонную дверь заскребли, и мама встала, чтобы выпустить Барсика.

Эта ходячая подушка превзошла самого себя, потому что Снежка не могла пройти мимо, чтобы не подкормить его чем-нибудь. В свое время муж шутил, что на Барсике можно спать, такой он мягкий и большой.

Правда, свекровь, как всегда, не питала восторга. Каждый раз, уходя от нас, она фыркала и жаловалась на шерсть, хотя в чисто убранной, разве что не вылизанной до блеска квартире, сложно было найти столько шерсти, сколько (к моему удивлению) оказывалось на ее фирменном жакете. Разве что она тайком брала кота на руки и терлась об него.

Однажды, когда Барсик отирался о ножку стула, на котором сидела Елизавета, свекровь пнула ни в чем неповинное животное. Тогда Снежана подняла такой крик, что Кириллу пришлось съездить с ней к ветеринару, чтобы дочь убедилась в том, что у кота нет повреждений. После этого случая Барсика на время редких визитов свекрови запирали в детской, и сама Снежана ни в какую не хотела выходить к бессердечной бабке. Между нами-девочками – мной и мамой – она называла Елизавету колдуньей. Я хотела отругать дочь, но мама поступила иначе:

– Снежинка, есть на свете хорошие и плохие люди, – начала объяснять она. – Твоя бабушка тоже по-своему хорошая, но и плохого в ней, как и в любом из нас, хватает. Однако с такими людьми держи ухо востро.

С детства Снежана с опаской относилась к Елизавете и Алисе, хотя к родителям двойняшек разве что не с криками счастья бежала, когда они забирали детей из сада.

– Если эта стерва еще раз заявится с требованием отдать им квартиру, которая по закону принадлежит тебе и Снежинке, то вызывай Витю. Пусть у этой твари муж профессор с кучей связей, мы тоже не лыком шиты, – напомнила мама.

– Порой ты говоришь пугающие вещи... – прошептала я, чувствуя себя дочерью гангстера на пенсии.

– Я говорю факты, деточка. Мирские законы писаны для всех. А если кто-то вздумает навредить моим близким, у меня имеются нужные рычаги давления.

Мама напоминала мне богиню Фемиду. Убрать ее выющиеся волосы в пучок, одеть пеплос с сандалиями и дать весы в руки – настоящая богиня в человеческом облике: благородные черты лица, греческий нос, яркие голубые глаза и пухлые губы.

– Я говорю истину, дочка, а ты иногда поражаешь меня своей наивностью. Елизавета – не та, кто отказывается от намеченной цели. Помнишь, как в первый год вашего с Кирюшей брака его милая сестрица Алиса хотела подsunуть тебе в постель стриптизера, чтобы сделать из тебя изменницу? Хо-

рошо, что я приехала раньше тебя, и Витя был на подхвате.

– Да, ох и надавала ты тогда тому несчастному парню венником.

Впервые после похорон я улыбнулась. Да, золовка была еще той змеей. Снежана тоже ее недолюбливала. Однажды я обнаружила, что после их встреч на теле ребенка появлялись странные синяки, будто ее специально щипали за такие места, которые под одеждой не видно. С тех пор я ни на минуту не оставляла Снежку с ней наедине. У этой барышни была странная ненависть к детям, но особенно к родной племяннице. Как и ее мать, она так же редко поздравляла Снежку или дарила подарки. Но мне это было не нужно, а ребенок больше радовался тому, что дарила бабушка Броня, а не Елизавета или Алиса.

Через неделю я вышла на работу, а мама стала навещать к нам только по выходным. Жизнь входила в прежнее русло, несмотря на то, что меня продолжали душить горькие слезы по ночам. Я обнимала подушку мужа, приветствовала и прощалась с его фото в коридоре, и так день за днем, пока не заставила саму себя остановиться.

«У меня есть Снежана, мое живое напоминание о том, что любовь есть, и нужно жить дальше», – повторяла я как молитву.

С трагедии, унесшей жизнь Кирилла, прошел год. Но от боли утраты невозможно излечиться, и она навсегда останется в моем сердце.

Вернувшись однажды вечером домой, мы со Снежаной увидели царапины рядом с замочной скважиной на установленной несколько месяцев назад бронированной двери. Под потолком мигал красным светом огонек камеры слежения, и к визиту непрошенных гостей я всегда была готова.

– Нашла коса на камень, – сказала я, заметив валяющийся на коврике фантик от конфеты. Усмешка тронула мои губы: такие леденцы любила грызть золовка.

– Значит, старая кобра решила прислать мелкую змею, – пробормотала я, пнув фантик в сторону так, словно это было нечто мерзкое – утром его уберет уборщица.

Открыв дверь квартиры, мы услышали легкий писк сигнализации. Пропустив дочь вперед, я быстро вбила код подтверждения и сняла куртку.

– Как же хорошо, когда в жизни все тихо и спокойно! – порадовалась я.

Снежка успела вымыть руки и теперь сидела в кухне с графическим планшетом, создавая на нем свои художества.

В этом году, как только закончится лето, она пойдет в школу. Мы с дочерью купили все необходимое для учебы.

Первый класс, событие важное для каждого родителя, но Кирилл его не увидит...

За месяц до этого свекровь попыталась натравить на меня социальную службу, где у нее работала знакомая. В тот день я затеяла генеральную уборку и оказалась не готова к подобной встрече.

С первого взгляда я прониклась отвращением к этой полной даме с маленькими крысиными глазками и длинным носом. Ее ноздри расширились, жадно вдыхая запах моющего средства и морщась. Она попыталась оттолкнуть меня, чтобы пройти внутрь квартиры, но я уперлась шваброй в стену и строго спросила:

– Что вам угодно, милейшая? По какому праву вы врываетесь ко мне в дом, или вам закон не писан? – я вспомнила коронную фразу матери.

«Крыса» озвучила причину прихода: якобы в этой квартире жестокому обращению подвергается девочка шести лет по имени Снежана Кирилловна Калиновская. В подтверждение дама потрясла пачкой исписанной жалобами бумаги и предъявила повестку в суд, где меня ждут, чтобы лишить родительских прав.

Слушать дальнейшую ахинею из ее уст я была не намерена и, пожав плечами, захлопнула дверь, надеясь, что прищемила женщине длинный нос.

Пока звонок нещадно дребезжал, я кусала ногти, слушая гудки в телефоне, и, наконец, ответила мама. А в коридоре

за дверью разразилась настоящая баталия. К «крысе» вышли Маргарита с сыном и невесткой. На повышенных тонах соседи доказывали мою состоятельность как матери, и что, вероятнее всего, произошла ошибка.

Вскоре на этаж поднялись мама с Витей.

Широкоплечий амбал в кожаной куртке и штанах с цепями, на которого я смотрела через глазок, вальяжно подошел к представительнице соцслужбы. Одного взгляда его серых пронзительных глаз хватило, чтобы дамочка стушевалась и вжалась спиной в дверь.

Моя же мама оставалась абсолютно невозмутимой. В уголке подкрашенных бордовой помадой губ торчала зажжённая сигарета, а на переносице – очки в роговой оправе. В руках она держала не увесистую папку, а единственный лист бумаги, и, выдохнув дым в лицо «крысе», озвучила:

– Добрый день, милейшая. Это иск за клевету и распространение ложной информации, не говоря уже о злоупотреблении должностными обязанностями. Дата суда назначена на понедельник, будьте добры явиться туда и не забудьте взять с собой того самого анонима, который снабдил вас всем этим, – матушка была неподражаема. Она указала пальцем на толстую папку в руках «крысы». – Освободите проход, у нас с коллегой законный обед, правда, Витя?

Амбал усмехнулся, обнажив слишком острые клыки, и «крыса» окончательно стушевалась, побледнев и отойдя в сторону. Больше мы эту даму не видели.

Чтобы успокоить меня, соседи накрыли у себя стол, и мы до вечера сидели в дружной компании, пока наши потомки играли в детской. Время от времени Снежана подходила ко мне и шептала:

– Мамочка, ты у меня самая лучшая.

С тех пор рядом с дочерью всегда находился один из напарников Вити из охранного агентства, дабы никто не покусился на жизнь Снежаны.

Первое сентября мы с дочерью, двойняшками и их гордыми родителями встретили букетами цветов, отглаженной формой и новыми рюкзачками. Детвора веселилась в предвкушении неизведанного, а я мечтала о том, чтобы эта осень принесла мне нечто волшебное, что перевернуло бы мою жизнь и раскрасило яркими красками.

Глава 2

В октябре Москву заволокло непроглядными туманами, сыростью и простудами.

Моя малышка заболела, и я взяла на работе отгулов на неделю – готовлю дома куриный супчик, потчую Снежку чаем с малиновым вареньем, балую блинами и согреваю ее горлышко компрессами.

В один из вечеров, среди недели, приехала мама, чем несказанно меня удивила.

Она раньше часто говорила: «Вот уволюсь с работы и переберусь к вам жить, а свою квартиру буду сдавать. Втроем веселее, и мне не нужно будет постоянно отпрашиваться у начальника, чтобы везде успеть с внучкой».

Все мои попытки отговорить ее от этой затеи потерпели поражение. Мама была еще тем трудоголиком, и ей нравилось посвящать свой досуг Снежке: водить ее на дополнительные занятия и гулять, но это не могло заменить череды судебных разбирательств, болтовни с адвокатами и той искры, которую зажигала в ней работа. Но мама решила иначе, поэтому, когда она вошла в квартиру с двумя объемными чемоданами, я уже приготовила для ее вещей место в шкафу.

Позже в один из чемоданов влезла Снежана.

– Бабушка, найди меня! – дочь прикрыла крышку, играя в прятки.

– Ах, знала бы, что ты затеешь такие игрища, прикупила бы еще и третий чемодан, чтоб влезли и твои Димка с Сашкой, – рассмеялась бабушка, раскладывая вещи по полкам в гостевой комнате, пока я застилала диван постельным бельем.

– Снежка, вылезай и иди мыться, а то я не успею тебе сказку прочитать, – скомандовала я, дочь мигом выбралась наружу и побежала в ванную. Но ее место занял Барсик: он вальяжно развалился внутри и мяукнул.

– О! Еще один пришел, вам что, там медом намазано, что ли?! – воскликнула мама, вынимая его и глядя по голове. Кот блаженно заурчал и, спрыгнув с рук, залез на диван.

– Ну, все, придется вам терпеть друг друга. Он обожает спать в этой комнате, – констатировала я. – Барсик, у тебя же есть лежанка на подоконнике.

Но кот остался глух к моим словам, всем своим видом показывая безразличие.

– Ладно, лежи здесь, меховая подушка, тетя Бронислава не тронет, – мама подбоченилась и убрала пустые чемоданы в шкаф. – С жильцами договорилась, хорошие ребята. Дети моей бывшей коллеги по работе.

– Мама, ты уверена, что поступила правильно, уволившись и сдав квартиру? – я присела на диван и сложила руки на коленях.

– Кирка! Даже не начинай. Как я решила, так и сделала, а захочу вернуться обратно – не проблема. Таких юристов, как

я, надо еще поискать, – она выпятила грудь вперед и гордо вздернула нос.

– Ладно-ладно, – я подняла руки вверх. – Пойду, Снежке еще сказку нужно прочесть. А то совсем ей не читаю, обычно это делал... – но я тут же осеклась.

Я зареклась не произносить имя мужа вслух. Почти все его вещи, как и планировала, отвезла к нам на дачу, сгрузив коробки на чердаке, где они уже год покрывались паутиной и пылью; я надеялась, что так же произойдет и с моими чувствами.

– Иди, милая, – мама все поняла, нежно погладив меня по голове, как если бы я по-прежнему была ее маленькой девочкой.

Снежка в розовой пижаме с заячьими ушками на груди устроилась на кровати. Дочь обнимала мягкую игрушку в виде лисы – еще один подарок от ее папы. Игрушку можно было надевать на руку, шевелить пальцами, создавая детский спектакль.

Я сняла с полки зачитанную книгу братьев Гримм с витиеватой надписью «Белоснежка», и присев рядом с дочерью так, что она положила свою головку на мое плечо, начала читать:

«Было то в середине зимы, падали снежинки, точно пух с неба, и сидела королева у окошка, – рама его была из черного дерева, – и шила королева. Шила она, загляделась на снег

и уколола иглою палец, и упало три капли крови на снег. А красное на белом снегу выглядело так красиво, что подумала она про себя:

«Если бы родился у меня ребенок, белый, как этот снег, и румяный, как кровь, и черноволосый, как дерево на оконной раме!»

И родила королева вскоре дочку, и была она бела, как снег, как кровь, румяна, и такая черноволосая, как черное дерево, – и прозвали ее потому Белоснежкой. А когда ребенок родился, королева умерла».

Снежана зашевелилась и сонно пробормотала:

– Мамочка, а у меня волосы как у мышки – серые, и девочка в классе сказала, что я как седая бабушка. Почему я не родилась с черными волосами, как у Белоснежки?

– А, по-твоему, я похожа на бабушку, или некрасивая? – серьезно спросила я.

Дочь распахнула глаза и быстро заморгала, внимательно изучая мое лицо.

Светлая чистая кожа, пухлые очерченные, словно карандашом, губы, серого цвета глаза и длинные, немного включенные пепельного оттенка волосы. Утонченные черты лица: узкий подбородок, слегка вздернутый нос, тонкая линия бровей и пушистые длинные ресницы, которые мне даже не нужно красить. Изящные, всегда ухоженные руки, подтянутое тело.

– Ты у меня красавица, – ответила дочка.

– Верно, и ты такая же, а свою одноклассницу не слушай. Ну что, давай дальше читать?

– Да, пожалуйста, – она свернулась калачиком, и я продолжила, а когда услышала ее размеренное дыхание, отложила книгу и выключила ночник.

– Спи, моя принцесса, – я коснулась ее макушки рукой и прикрыла дверь в спальню.

Приняв душ и переодевшись в пижаму, я улеглась в кровать и хотела спокойно уснуть, но внимание привлекло зеркало над каминной полкой.

Когда мы делали ремонт, Кирилл настоял, чтобы в нашей спальне обязательно был такой электрический камин, перед которым мы бы сидели по вечерам и слушали потрескивание поленьев, как будто рядом действительно полыхает настоящий костер.

Зеркало в старинной оправе появилось позднее, иногда мне казалось, что оно слишком древнее. «Из какого антикварного магазина муж его принес?» – думала тогда я.

Сейчас потемневшая амальгама пошла рябью, и я едва сдержала испуганный вскрик.

«Может, показалось?» – отбросив одеяло, я подползла к концу кровати и поднялась на ноги. Зеркало висело ровно над полкой, и в нем, как в черной дымке, отражалось мое бледное лицо. Грудь вздымалась под рубашкой, штаны висели на бедрах, а влажные после душа волосы были заплетены в косу. Я потянулась к зеркалу, чтобы понять, чудится мне

это или нет, но вместо ожидаемого прикосновения к твердой поверхности пальцы прошли насквозь, и... меня затянуло в зеркало.

Я испытала ощущение, словно вдоль моего тела течет поток воды, и я плыву, лежа на спине. Перед глазами звездное небо, а я все плыву, не в состоянии пошевелить ни руками, ни ногами. Вода попала на глаза, и я зажмурилась.

– Девушка, пробудись! – прозвучал мужской, скорее пожилой голос.

Кто-то тормозил меня за плечо. Открыв глаза, я ощутила, что лежу на чем-то холодном. Передо мной действительно стоял старик, такой худощавый и костлявый, что непонятно, как только на нем держалась одежда. Накрахмаленная до хруста рубашка с бордовым жилетом, золотые запонки и закладка на черном галстуке. Он помог мне сесть и протянул бокал:

– Выпейте, это для успокоения нервов, лучше сейчас, чем потом.

Я взяла бокал, понюхала содержимое – запах трав, но пить было страшновато, о чем и говорил мой взгляд: «Где я оказалась? Может, это сон?»

– Это не яд, – спокойно ответил старик, и, судя по его бесстрастному лицу, он говорил правду.

– Мое имя Нарбор, я камердинер его сиятельства. Сейчас десять часов утра по местному времени, вы находитесь в королевстве Валентор.

Я продолжила удивленно озираться, пытаюсь понять, что происходит, даже ущипнула себя за щеку. Было неприятно, но меня это ничуть не порадовало.

– Зеркало! В моей комнате над полкой висело старинное зеркало, по стеклу пошла рябь, я думала, мне это почудилось, а когда прикоснулась... – затараторила я, едва не расплескав содержимое бокала.

– Да, все верно. Некоторые зеркала, точнее, всего несколько в нашем мире, являются порталами. Так из какой страны вы к нам прибыли на конкурс невест для лорда? Мне необходимо внести данные о вас в анкету, – он поправил очки на носу и внимательно посмотрел на меня. – Выпейте, вас начинает трясти, а я не в той физической форме, чтобы донести молодую девушку к лекарю.

Я сжалась над ним и все-таки выпила, по вкусу напиток напомнил обычный мятный чай с медом. Дрожь тут же прошла.

– Вы хотите сказать, что я, будучи в здравом уме и твердой памяти, действительно переместилась каким-то волшебным способом в совершенно другой мир и попала в ваше королевство? – я свесила ноги и ступила на пол.

Оказывается, все это время моим ложем являлся продолговатый камень в виде стола, на котором был начертан круг со странными символами, чем-то напоминающими кельтские. «Еще не хватало попасть к каким-нибудь сектантам!»

– Все верно, но что значит – вы из другого мира? У нас

один мир, и вас должно было перенести из соседней страны, а вы... – озадаченность на его лице сменилась обеспокоенностью, заставившей резко замолчать. – Постойте! – он нервно сглотнул, сообразив, что произошло, и удивленно на меня уставился. – Вы... не из нашего мира? Но как, позвольте узнать?!

– Что значит – как? – гневно воскликнула я. – Это мне интересно, что произошло и какого дьявола меня перенесло в это ваше средневековье, и что это вообще за погреб?

– Это порталная комната, – тут же ответил камердинер. – Но... я совершенно не понимаю, как дева из другого мира смогла попасть к нам. Вы владеете магией?

– Нет, в моем мире нет магии. У нас технологии, – я поставила бокал на «стол» и уперла руки в боки.

– Техно-мир?!

– Видимо, да! Так что давайте, возвращайте меня обратно!

– Но... это невозможно, я не владею такой сильной магией, – его щеки покраснели, и камердинер задрожал.

– А кто в состоянии? – более спокойно спросила я.

«Не хочется, чтоб его прямо на месте хватил сердечный удар».

– Давайте я поговорю с этим человеком, кто там у вас занимается перемещением между мирами? – сейчас я чувствовала себя так, как если бы была на работе и заказывала очередную порцию питьевой воды для руководителя. – Нарбор,

можно к вам так обращаться? Меня зовут Кира Константиновна Калиновская, давайте вы возьмете себя в руки и проведете меня к тому, кто ведает всеми этими порталными вопросами.

Камердинер выпрямился, расправив плечи, и повел меня за собой.

Из мрачной каменной комнаты с единственным источником света, который падал откуда-то с потолка прямо на «жертвенный» стол, мы вышли в не менее мрачный коридор с горящими вдоль стен факелами. Пока я шагала по холодному полу и поднималась по ступеням, у меня сильно замерзли ноги: «Только заболеть не хватало».

Наконец, мы вышли в обычный коридор, обшитый деревянными панелями, светильники на стенах излучали теплый свет, а на полу лежала мягкая ковровая дорожка.

Из окон по левую руку открылся вид на сад, и вдалеке я увидела краешек пруда.

Нарбор открыл одну из дверей и пропустил меня в кабинет.

Цветовая гамма здесь была темнее, чем в коридоре. Вдоль стен возвышались книжные стеллажи, посередине громоздился массивный стол со стульями, всю поверхность которого занимали стопки папок, бумаг и письменные принадлежности.

В кресле сидел подтянутый мужчина не старше сорока пяти лет. В его темной шевелюре проглядывали седые волосы,

а пушистые закрученные усы забавно шевелились, когда он попыхивал трубкой, выдыхая табачный дым.

Мужчина был одет в бархатный пиджак глубокого синего цвета и такую же, как у камердинера, накрахмаленную рубашку с запонками. На шее повязан голубой шелковый платок, а на мизинце левой руки сверкало кольцо с топазом.

«Ну вылитый Ретт Батлер из «Унесенных ветром», только старше», – подумалось мне.

При виде нас мужчина удивленно вскинул брови и тут же нахмурился, разглядывая мою пижаму. Я могла только порадоваться, что не любила носить короткие ночнушки, как это делали мои коллеги по работе, рассказывая о своих брачных игрищах.

– Барон Миртил, у нас произошла непредвиденная ситуация, – перешел к делу Нарбор. – Эту леди перенесло к нам из техно-мира.

– Что значит из техно-мира? – барон переводил непонимающий взгляд с камердинера на меня.

– Доброе утро... барон, – вежливо вклинилась я. – Как уже было сказано почтенным Нарбором, я попала к вам из техногенного мира, и ни о каких других мирах, кроме своего, я не знаю, а потому будьте добры вернуть меня обратно.

Барон еще раз удивленно меня осмотрел, затем провел перед лицом рукой, будто прогоняя наваждение:

– Очень странно, вы действительно не от мира сего, и непонятно по какой причине на вас сработал артефакт пере-

носа. Но, увы, я не в силах отправить вас обратно, такое может сделать лишь лорд Аристид, хозяин этого поместья. Он советник его величества короля Улириана и один из сильнейших магов нашего государства.

– В таком случае ведите меня к нему. Я должна решить эту проблему, раз вы не можете помочь. Мне необходимо вернуться в мой мир, к семье! – повысила я голос, гневно сжимая кулаки.

– Но как же конкурс невест? – пролепетал камердинер.

– Какой еще конкурс, Нарбор?! Я не принадлежу вашему миру, и меньше всего мне нужен муж, про всякие конкурсы я даже не говорю. Так что давайте не будем терять время.

– Лорда нет на месте, он у короля и вряд ли вернется раньше вечера, – пояснил Миртил. – Я понимаю, в какой ужасной ситуации все мы оказались, но придется подождать, и вам необходимо хотя бы одеться, а не разгуливать по поместью в... пижаме.

– Боже, за что мне все это? – едва слышно прошептала я и без приглашения опустилась на стул.

Барон налил мне в стакан воды.

– Прошу прощения, но как ваше имя? – он сел напротив и снова закурил трубку, запахло вишней, и мне сразу вспомнились мамины сигареты.

Сразу дико захотелось курить, видимо, успокаивающее действие отвара, которым опоил меня Нарбор, сходило на «нет».

– Кира Константиновна Калиновская, – я взяла стакан и немного отпила.

– Какое прекрасное имя, должно быть, вы из благородной семьи?

На это я предпочла промолчать: еще неизвестно, что со мной могут сделать, если узнают, что у нас в стране аристократия давно не признается. Ноги совсем заledenели, и я без стеснения подтянула колени к груди.

– Какой я невнимательный! Леди замерзла, – всплеснул руками Нарбор и предложил мне мягкий плед, которым я укрылась.

– Благодарю. Надеюсь, что мерзнуть мне придется недолго в связи с этой ситуацией, – я поставила полупустой стакан на стол и нахохлилась, как недовольная ворона.

– Для вас будет комфортнее, если вы проведете это время в отведенной для невест комнате. Сейчас никого из конкурсанток в доме нет, поэтому можете немного отдохнуть, прогуляться по парку, пообедать. Нарбор предоставит вам все необходимое, – участливо сообщил барон.

– Очень любезно с вашей стороны.

«Мне действительно стоит побыть наедине. Нечасто попадаешь в другой мир, к тому же магический. Интересно, у них здесь свой Хогвартс есть?» – я встала с кресла и послушно последовала за камердинером, продолжив кутаться в плед.

«Главное, не паникуй. Спокойно, представь, что ты участвуешь в каком-нибудь шоу и попала на относительно ком-

фортный обитаемый остров. Все, что тебе остается – дождаться лорда Аристида, обрисовать ситуацию, и он отправит тебя обратно. Он же маг!» – я вспомнила слова шефа, который всегда говорил: «Что бы ни случилось – не падайте духом».

И снова мы пошли по коридору, поднявшись на третий этаж.

Здесь было очень светло – белизну стен разбавляли картины с различными пейзажами.

Высокие арки украшали золотые вензеля, на постаментах стояли вазы с живыми цветами. На обшитые блестящим атласом оттоманки хотелось присесть, откинувшись на узорные декоративные подушки. Из широких окон, прикрытых охровыми занавесками и тонким тюлем, открывался вид на фруктовый сад с беседкой.

Меня подвели к комнате в конце коридора.

Нарбор толкнул дверь, и я оказалась в «морских» апартаментах. Иначе это помещение никак нельзя было назвать. На паркете лежал синий ковер, на стенах – бледно-синий шелк с белоснежными ветвями деревьев и листвой. За голубыми занавесками находилось окно с низким подоконником.

Под бирюзовым балдахином стояла большая двуспальная кровать, заправленная светлым постельным бельем, вышитым синей нитью. На таком ложе можно и потеряться. Напротив кровати – трюмо с креслом, еще парочка кресел – у круглого столика.

Слева от кровати располагалась дверь в ванную, причем не средневековую, а с водопроводом и абсолютно нормальным унитазом, только вместо кнопки смыва – изящная цепочка с морской звездой на конце. Плитка в ванной была мятного цвета, на полке над раковиной стояли разные бутылочки; на вешалке – чистые халаты, рядом стопка полотенец, на полу тапочки. «Все как в гостинице», – подумала я.

– Леди Калиновская?

От непривычного обращения я вздрогнула и повернулась к Нарбору.

– В углу, рядом с трюмо, дверь в гардеробную. Там самый минимум. Вся одежда новая, приготовлена для непредвиденных обстоятельств, – каких именно, он не уточнил, и я решила, что те самые конкурсантки, которые пока что не прибыли, добираются до дома лорда на санях, затем на собаках, через леса, болота и прочие места, какие могут быть в приключенческих фильмах. – Думаю, вы что-нибудь для себя подберете. Если желаете позавтракать, то стол накрыт до одиннадцати часов на первом этаже.

– Хорошо, я поняла. Спасибо вам, Нарбор, – мы кивнули друг другу, и камердинер удалился, прикрыв за собой дверь.

Я осталась одна. Апартаменты в стиле ампира пришлись мне по вкусу, было ощущение, что я отправилась в незапланированный отпуск, но вместо современной гостиницы попала в музей.

Вся эта странная ситуация, в которой я оказалась не по

своей воле, сильно нервировала. «Перенестись в другой мир только из-за того, что у них неправильно сработал артефакт! Какой недоумок его создал, раз он неисправен?»

Походив из угла в угол, чтобы успокоиться, я отправилась в ванную. Вымыв руки и погрев ступни под горячими струями душа, я подошла к гардеробной.

Это оказался не шкаф, а небольшая комната с ярким освещением. На полу лежал светлый ковер, на стене в полный рост висело зеркало в золотой оправе, рядом находился круглый пуфик со столиком и пьедестал, как в свадебных салонах.

– Они что, всегда на него встают, чтобы примерить исторические наряды? – усмехнувшись, я провела рукой по ряду платьев на вешалках. – Хоть без пышных юбок. Надеюсь, с бельем у них все так же современно, как и с канализацией, нет желания таскать корсеты. – В памяти всплыли фильмы, где героинь утягивали этим орудием пыток, от чего их грудь сплющивало настолько, что непонятно, существовала ли она вообще, не говоря об обмороках.

Я сняла с вешалки платье из синей ткани с длинными рукавами.

– Под него нужно что-нибудь поддеть. Майку, или что у них тут принято носить, рубашки до пят? – за соседней дверцей на полке лежало нижнее белье: короткие шортики, шелковые маечки и... пара корсетов. В корзинке сложены чулки и пояса, а также перчатки.

– Жить можно... – закрыться в спальне и просидеть весь день в пижаме мне не хотелось да и было не до сна. «Раз я оказалась здесь по их вине, то с чего бы строить из себя скромную гостью?» – решила я, мысленно примеряя на себя образ деловой женщины, каковой меня считали коллеги.

Надев нижнее белье этого мира, застегнув пояс и натянув чулки, я облачилась в платье. Ткань была приятной, не колола, словно наряд был сшит на меня.

«Видимо, у них все конкурсантки такие стройняшки», – со шнуровкой пришлось повозиться, но, к моему удобству, она располагалась по бокам.

С обувью вышла заминка. Если нарядов на вешалках имелось предостаточно, то выбор туфель и балеток оставлял желать лучшего. От каблуков я сразу отказалась, сунув ноги в атласные балетки. Они оказались немного велики, но дело спасли салфетки, выуженные из золотой коробочки на столике. Их я и подложила в мыски, чтобы не выглядеть «Золушкой на балу».

Убедившись, что мое отражение в зеркале никого не испугает, я вернулась в спальню и расплела косу, по привычке натянув резинку на запястье.

От природы у меня гладкие и послушные волосы, которые я никогда не красила и не завивала. «Кириллу нравилось пропускать их между пальцев, он говорил, что они напоминают ему холодный шелк», – причесавшись, я отправилась на разведку.

Холл на первом этаже оказался немного мрачноватым, возможно, из-за темных деревянных панелей и портретов с высокомерными лицами аристократов, напомнивших мне Елизавету Рудольфовну: «Будь у нее такой домина, она бы точно развесила свой интеллигентный фейс в каждой комнате».

– Если лорд такой же кислый на вид, то неудивительно, что ему устроили конкурс невест. Попробуй кого-нибудь уговорить пойти ... хотя бы вот за этого мужчину с кривым носом и выпученными, как у рыбы, глазами, или жениться вон на этой бледной дамочке в платье цвета детской неожиданности, – пробормотала я, неодобрительно покачив головой, и вышла через стеклянные двери в сад.

Отойдя на приличное расстояние от поместья и как следует осмотревшись по сторонам, я обрадовалась тому, что моя первая оценка в подвале, к счастью, оказалась ошибочной:

– Это не средневековый замок.

Три этажа, два флигеля. От времени и непогоды камень пожелтел и покрылся зеленым мхом. Серые крыши со множеством кирпичных труб, фонари вдоль стен, большие вымытые окна, и можно было разглядеть ходящих по коридорам слуг.

Выход из дома на задний двор украшали четыре колонны и крыша с лепниной.

«Немного помпезно, но прекрасно сочетается со стилем

дома. Куда я попала? Может, это поместье Пемберли?¹»

Развернувшись, я неторопливо побрела по саду. Здесь располагалось несколько небольших фонтанов, лавочки и одна беседка, укрытая цветущими вишневыми деревьями. Собранную в горки скошенную траву покрывали розовые лепестки, пахло цветущим шиповником.

Ограда поместья – кованый забор, черные штыри которого уходили вверх, опасно сверкая на солнце. «Просто так сюда ни один вор не заберется, если не хочет быть насаженным на остроконечные пики», – приглядевшись, я поняла, что здесь растут не просто кусты, а малина.

– Откуда она здесь? – я стала собирать розовые ягодки на ладонь, не забывая опускать некоторые себе в рот.

– Вы не наелись за завтраком?

Я замерла, не успев донести ягоду до губ, и неторопливо обернулась, боясь рассыпать малину с ладони.

Передо мной стоял высокий мужчина в костюме цвета моего платья. Его длинные черные волосы лежали на широких плечах. Его длинные черные волосы лежали на широких плечах. Ноздри прямого носа раздувались от нетерпения, синие глаза недобро прищурились, а на привлекательном немного смугловатом лице отражалось неудовольствие.

– Хотите? – смущенно предложила я, мило улыбаясь, и сделала крохотный шаг навстречу, подставив ладонь практически к его лицу.

¹ Вымышленная усадьба, принадлежащая Фицуильяму Дарси, главному герою романа «Гордость и предубеждение» Джейн Остин.

Мужчина недоверчиво посмотрел сначала на меня, а затем на ягоды. Между его темных бровей пролегла тонкая морщинка. Недолго думая, он губами коснулся моей ладони, сметая горку малины.

Я выудила из рукава бумажный платок и подала ему – на его губах остались капельки сока.

– Меня зовут Кира, а вас как?

Он принял салфетку и внимательно посмотрел на меня, как это делал барон. С одной лишь разницей – от взгляда незнакомца веяло холодом и опасностью, но как только ощущение прошло, и у меня перестало покалывать кончики пальцев, он представился.

– Можете называть меня Кир. Так что вы думаете, леди Кира, насчет завтрака? Я прибыл раньше, чем планировал, и, честно говоря, из-за малины аппетит разыгрался еще сильнее. Не желаете составить мне компанию? – он предложил мне свою руку, и я, пожав плечами, приняла ее.

«В конце концов, это лучше, чем слоняться весь день в ожидании лорда-мага», – подумала я, беря мужчину под локоть.

На первом этаже располагалась светлая столовая, чьи стеклянные двери были распахнуты, и легкий сквозняк развивал занавески. Пахло здесь так, что от голода мой желудок неприятно сжался.

Кир подвел меня к концу длинного стола и заботливо отодвинул стул. Здесь уже расставили еду: омлет, яичница с бе-

коном и сосисками, поджаренные тосты, блинчики, кофейник, из носика которого так пахло, что я сразу же потянулась к нему и без стеснения налила себе полную чашку.

– Вам кофе или апельсиновый сок? – заботливо спросила я.

– И то и другое, – спокойно ответил Кир, намазывая сливочное масло на тост и искоса наблюдая за моими действиями.

Я привыкла ухаживать за начальником, который души во мне не чаял. Оттого сама варила кофе, обслуживала его и коллег на совещаниях. Все мои движения были отрепетированы до автоматизма и изящества. Поэтому позаботиться о госте лорда для меня не составило труда.

– Кофе волшебный, мне кажется, никогда такого не пробовала, – я неторопливо смаковала любимый напиток.

– Мне всегда думалось, что женская половина не переносит его, отдавая предпочтения чаю или сокам...

– Не знаю, как другие, но я жить не могу без кофе. Утро не начнется, пока я его не выпью.

– То есть вы ранняя пташка?

– Да, мне нужно каждый день вставать на работу, чтобы позаботиться о своей семье.

Кир резко закашлялся, прикладывая салфетку ко рту.

– С вами все в порядке, вы подавились? – на всякий случай я похлопала его по спине, хотя не была уверена, что это поможет. Мужчина еще больше на меня вытаращился.

– Да что с вами, чему вы так удивлены? Или я что-то не то сказала?

– Нет, нет, – поторопился он ответить. – Я просто удивлен тому, что вы работаете.

– Отчего же? В моей стране все женщины работают, если они не домохозяйки или калеки, – и тут же спохватилась. – Ах, да вы ведь не в курсе, что со мной произошло! Даже не знаю, могу ли рассказать вам...

– Попробуйте. Быть может, я смогу вам помочь, – подбодрил он.

– Вряд ли, я уже обращалась по этому вопросу к камердинеру Нарбору и барону Миртилу. Они оба сказали, что помочь мне сможет только лорд Аристид, который прибудет поздно вечером, – я тяжело вздохнула.

– Вы не похожи на девушку, попавшую в беду, – скептически отметил Кир, изогнув бровь, и захрустел тостом.

– Для чего же мне тогда ждать лорда? В мои планы совсем не входит носить наряды и занимать любезно предложенную комнату для будущих избранниц лорда, тем более что здесь будет проводиться конкурс на роль его невесты.

– Вот как? Так разве вы не за этим сюда явились? – его взгляд сделался колючим.

«Неужели он подумал, что я отношусь к тому типу девушек, которым лишь бы выйти замуж за лорда?»

– Нет. Я здесь абсолютно случайно, и только сам лорд, как сильный маг, может вернуть меня обратно к моей семье в

мой мир.

– Что значит – в ваш мир, Кира? – чеканя каждое слово, спросил он.

– Видимо, мне придется рассказывать эту историю всем и каждому, – я поведала то, что со мной произошло. К тому моменту кофе в моей чашке остыл, а Кир больше не притронулся к еде.

«Сижу, жалуюсь, а он даже не поел. А мне вот кусок в горло не лезет. Главное, не расплакаться».

– Вот, значит, как, – подвел итог Кир, вернув лицу прежнее добродушие. – Но разве вы совсем не хотите попробовать себя в роли невесты? Та, которая выиграет конкурс, может попросить лорда Аристиды исполнить любое желание. Кроме воскрешения.

Я ненадолго задумалась:

– Вы считаете, что просто так он не станет возвращать меня обратно домой?

– Безусловно. Лорд не относится к тому типу людей, которые за красивые глаза милой девушки поспешат выполнять любые просьбы. К тому же, вы с ним даже не знакомы, а значит, являетесь первой встречной. Так посудите сами, с чего бы ему вам помогать? Не он ответственен за магию артефакта переноса, тот сам выбирает носительницу того или иного дара, которая подошла бы ему как спутница и мать его будущего ребенка.

– Не артефакт, а самый настоящий определитель на сов-

местимость, – пробурчала я, сжимая вилку в руке.

– Верно. Поэтому либо вы принимаете участие в конкурсе, и у вас будет время лучше узнать лорда, либо покидаете этот дом. И ищите того, кто захочет вам помочь, – сказал, как отрезал, Кир. – Но на вашем месте я бы не торопился с выводами, кто знает, быть может, лорд Аристид вам понравится, и вы захотите остаться с ним в качестве супруги. Ведь у вас нет мужа.

– С чего вы взяли, что у меня нет мужа?

– Артефакт настроен так, что подбирает в пару только одиноких, не обремененных отношениями девушек.

– А если откажусь от участия? Сколько времени я должна здесь провести, чтобы добиться от лорда моего возвращения в родной мир?

– Помилуйте, откуда же я могу знать, – он усмехнулся, и его усмешка напомнила мне о ком-то, кого я давно похоронила. – Он – человек настроения. Может быть, ему захочется, чтобы вы работали на него: например, стали любовницей или служанкой.

– Что?! Любовницей?! – воскликнула я, стукнув кулаком по столу. – Ну уж нет, только через мой труп. У меня там мать и дочь! Я не могу без них жить и уж тем более становиться чьей-то подстилкой, пока официальная жена будет на сносях.

Кир сложил руки на груди и тяжело вздохнул.

– Дочь... это важно. В таком случае, где же ее отец, или

он обрюхатил вас, а потом бросил на произвол судьбы? – он вскинул брови, по-прежнему ухмыляясь.

Кровь отхлынула от моего лица, в висках застучали молоточки, а пальцы я сжала так сильно, что ногти впились в кожу. Резко встав из-за стола, от чего стул с грохотом упал, я прошипела:

– Не смейте говорить о нем. Вы! Ничего! Не знаете! Ничего!

Цедя каждое слово, я смотрела в его синие глаза так долго, что перед моим взором замелькали черные точки. Вдруг стало трудно дышать, меня затрясло, и к горлу подкатила тошнота.

Со стуком я оперлась о стол и тяжело задышала – начался приступ паники. Такое бывало и раньше, когда я сильно нервничала.

– Кира, что с вами? – мужчина напряженно приподнялся со стула. – Успокойтесь, старайтесь дышать ровно.

Он погладил горячей рукой по спине, от его ладони по позвоночнику разлилось тепло, и мне стало немного легче.

Кир поднес стакан и заставил выпить, вода оказалась с лимоном.

– Я не знал, что эта тема так вас тронет, и прошу прощения, что позволил себе лишнее, – он усадил меня на свой стул, обмахивая газетой. – Вот так, дышите...

– Он погиб... – это было последнее, что я сказала, теряя сознание.

Глава 3

– Очень сильное нервное истощение. Любое потрясение может привести к потере сознания. Необходим уход и абсолютный покой. Я оставил на тумбочке капли, пусть принимает их утром и вечером.

Из забытья меня вывел хрипловатый голос. Приоткрыв глаза, я увидела из-за балдахина мужские спины. Рядом с Киром стоял невысокий, круглый, как бочонок, человек и сжимал в руках кожаный чемоданчик. Ему не хватало стетоскопа и белого халата. Когда они удалились, я еще некоторое время лежала, не шевелясь, и только затем перевела взгляд на тумбочку – там стоял стеклянный пузырек с пипеткой и стакан воды.

Перевернувшись на бок, я неторопливо поднялась с кровати и открыла лекарство – снова запах трав.

– Чувствую себя столетней бабкой, скоро будет кости ломить на погоду... – пробурчала я под нос и выпила средство.

– До старости тебе еще нужно дожить, – беззаботно сообщил Кир, подходя ко мне. – Еще раз прости, что заставил тебя перенервничать. Я не хотел так сильно давить.

Я скептически на него взглянула и потянулась к стакану с водой: капли оказались горьковатыми.

– Если для тебя это имеет хоть какое-то значение, то я была замужем, но немногим больше года назад мой муж погиб.

Его мать и сестра хотели отобрать у меня квартиру – мой дом, затем дочь. Мне очень больно от этой потери, и я не позволю никому говорить дурно о моем покойном супруге.

Кир выслушал меня с непроницаемым лицом:

– Я услышал тебя.

Я не придавала значения переходу на «ты», ведь так действительно проще налаживать контакт с тем, кто, видимо, очень хорошо знает лорда.

– Поэтому настаиваю на том, чтобы ты приняла участие в конкурсе. Это гораздо лучше, чем становиться любовницей, служанкой или искать способ заработать себе на пропитание. Ведь в нашем мире ты – никто. У тебя нет титула, нет никаких документов.

«Тут он прав. Да и судя по всему, место женщины у них – дома, рядом с детьми».

– Думаешь, если я выиграю конкурс, он отправит меня обратно? Отпустит?

– Поживем – увидим. Я ведь не провидец, – он усмехнулся. – Поверь – это меньшее из двух зол. В статусе потенциальной невесты у тебя больше возможностей сблизиться с лордом, и может, тебе даже не понадобится становиться его избранницей, чтобы вернуться домой.

– И то верно. Ты абсолютно прав, Кир, – я встала с кровати, слегка покачиваясь, мужчина поддержал меня под локоть. – Только я одного не пойму, если в моем мире нет магии, то откуда она у меня? Я ведь не ведьма какая-нибудь,

чтобы превращать воду в вино.

– Воду в вино? Нужно попробовать. Но артефакт безошибочно чувствует в носителе магию. Я уже успел поговорить с Миртилом о твоём случае. Как только ты оказалась здесь, магия раскрылась в тебе, потому что была изначально.

– Была бы она изначально, всю жизнь можно было бы поменять. Видимо, мой мир слишком техно, чтобы в нём жило волшебство. Разве что только в фильмах. А откуда ты все это знаешь, или ты тоже маг?

Кир кивнул:

– Пойдем, ведь я толком не позавтракал, и у меня есть еще неделя в запасе перед началом конкурса.

– Ты состоишь в жюри?

– Может быть, – он загадочно улыбнулся.

Я не стала его расспрашивать. «Кто знает, какие у них тут законы, может, на меня наведут заклинание немоты, и попробуй потом объясни, что я спрашивала чисто из интереса. Утро вечера мудренее».

Мы вернулись в столовую, и уже там, в благодарность за заботу, я поухаживала за Киром, наложив ему на тарелку все, что посчитала нужным. Мужчина воспринимал это как данность, но было видно, что ему приятно.

После завтрака Кир привел меня в библиотеку. Она находилась на втором этаже напротив кабинетов барона и, как оказалось, самого Кира.

«Видимо, он тоже из знатных, раз помогает лорду в кон-

курсе».

– Мне нужно поработать, а тебе – лучше узнать о нашем мире из книг, – он подвел меня к шкафу и открыл застекленную дверцу, указав на нужную полку.

– Но как я смогу читать, не зная языка? Удивительно, что вы меня понимаете.

– Все это ты уже умеешь. Вместе с переносом тебе в сознание помещаются знания о нашем языке. Но прошу тебя пока не выходить за пределы поместья ради твоей же безопасности, – он вложил в мои руки несколько увесистых книг. – И еще, Кира, никому не рассказывай о том, что ты из техно-мира, и у тебя есть дочь. И никому не доверяй, кроме меня, барона и камердинера.

– Я поняла тебя. Желания покинуть это уютное местечко у меня нет, но не обещаю, что буду воздерживаться от проникновений ночью на кухню. Надеюсь, лорд не обидится на то, что его возможная невеста любит перекусить.

Кир засмеялся в кулак и скрылся за дверями своего кабинета. Через минуту к нему вошли барон и камердинер.

Я тоже закрыла дверь, чтобы никто не отвлекал, и медленно прошла вдоль полок. Было удивительно раскрыть книгу на неизвестном языке и с легкостью прочитав текст. Политика меня не сильно интересовала, историю я в свое время изучала дольше, чем хотела, чтобы понять, кто, когда и где правил. Сейчас меня волновала собственная предрасположенность к магии. Порывав среди полок с пометкой «Ма-

гия» на литературу «М», я выудила толстый фолиант в красном переплете.

Сухие факты о том, что магия пришла к людям из природы, создав первых магических существ, и переплелась с темными и светлыми душевными порывами, были для меня несколько туманным пояснением. Оттого пришлось углубиться в изучение, пока часы на столе не оживились приятной мелодией и легким перезвоном, возвещая о том, что уже два часа дня.

Обычно в это время на работе я обедала. Шеф был приверженцем здорового питания, я его поддерживала, поэтому каждый день заказывала свежую еду.

После беременности я бросилась в спортзал сгонять лишние килограммы, но именно мой начальник, Артемий Викторович Нарышкин, сказал, что необходимо не надрываться, а все делать постепенно, и главное – правильно есть. Сейчас мой желудок снова сжался от голода, поэтому, отложив книгу, я спустилась в столовую, но там было пусто.

«Н-да, дождешься от них обеда. Это тебе не отель».

Пройдя дальше по коридору, я открыла дверь и оказалась в большой кухне. На меня тут же уставились две пары глаз: камердинер и женщина-повар в белом колпаке, из-под которого выглядывали медные пряди волос.

Старичок с удивительной для своего возраста прытью подскочил ко мне:

– Леди Кира, вы что-то хотели?

– Да, пообедать, вы не против, если составлю вам компанию? – я посмотрела на женщину. – Очень кушать хочется... – затем прижала ладони к животу и сделала жалобный вид.

– Так не положено... – пробормотал Нарбор.

– Ай, да ладно тебе, старый! Пусть девочка покушает. Или вам в столовой накрыть? – женщина подмигнула зеленым глазом.

На ее круглых щеках появился яркий румянец, мягкий подбородок она подпирала широкой ладонью с коротко обрезанными чистыми ногтями. Повар была опрятно одета, а поверх далеко не худенькой фигуры она повязала белоснежный фартук.

– Нет, нет. Благодарю, не утруждайте себя, я поем и здесь.

Я села за стол, передо мной поставили глубокую тарелку горячего супа с мясными фрикадельками и мягким, с пылу с жару, серым хлебом.

«Напоминает мамин суп...»

– Вкусно-то как, – похвалила я, пробуя местную стряпню и жмурясь от удовольствия.

– Приятного аппетита, деточка, – повар сидела напротив и с довольным видом ела салат, запивая белым вином.

После супа мне положили запеченный картофель и куриное филе.

– Вино еще есть? – спросила я.

– А как же! Меня кстати Иолантой зовут, я здесь главный и единственный повар. Кухня – моя обитель, так что заходи

в любое время, хорошим людям тут рады, — она щедро плеснула мне вина. — Фруктовое, приятно сладковатое и прохладное.

— Кира Калиновская, — представилась я в ответ. — Вино полусладкое?

— Да, пью только его. Хотя в погребах хозяина есть и лучше, но мы простые люди, не привередливы. Да? — этот вопрос она адресовала Нарбору, который от игры ее бровей потупил взгляд, орудуя вилкой с ножом так, как будто он на светском приеме.

«Мне еще предстоит и дальше штудировать книги по магии. Научиться взывать к ней. Если она, конечно, у меня имеется, в чем я сильно сомневаюсь».

Покончив с обедом, я неторопливо потягивала вино, закусывая предложенным сыром с белой плесенью. По вкусу он ничем не отличался от «Камамбера».

Камердинер начал покашливать, видимо, пытаясь намекнуть на то, что мне, как леди, не положено находиться в кухне. Но я проигнорировала его, спросив:

— Нарбор, вам плохо? Может быть, стоит выпить какую-нибудь микстуру?

От моих слов старик покраснел и под насмешливым взглядом Иоланты ретировался с кухни.

— Наконец-то ушел, упрямец, — она стала убирать пустые сковородки и кастрюльки с плиты, очищая пространство. — Не обращай на него внимания, заходи, если проголодаешь-

ся. — Закончив с уборкой, Иоланта села напротив и спросила:

— Ну что, тоже приехала на конкурс невест за сердцем нашего лорда?

— Да, прибыла раньше всех. — «Не изливать же ей душу о моем несчастье».

— Странно, что тебе разрешили здесь остаться, — прошептала она. — Обычно хозяин не любит, когда в доме посторонние. До начала конкурса он имеет полное право выгнать любую заявившуюся к нему раньше срока барышню, будь она хоть самой принцессой.

— Значит, позволил, раз я все еще здесь, — я пожала плечами, радуясь, что, несмотря на передрагу, в которую попала, у меня появился хороший знакомый в лице Кира. Я отнесла пустой бокал и собственноручно вымыла его, чем, судя по всему, удивила повара. «На ее месте Нарбор бы точно возмутился — мол, леди не положено. Похоже, что леди в их мире — сплошные белоручки».

— Спасибо за обед, все было очень вкусно, Иоланта.

— Приятно познакомиться, леди Калиновская, — она кинула мне яблоко, которое я с легкостью поймала и, улыбнувшись, покинула кухню.

«Давно я не пила алкоголь. В последний раз это было на похоронах, где я выпила три стопки водки и потом весь вечер страдала от головокружения».

Сбегав в библиотеку за книгой, я вышла на улицу. На свежем воздухе и читалось приятнее.

Солнце слепило глаза, и я пожалела, что у меня с собой нет солнцезащитных очков. «Кто же знал, что я так попаду? Иначе собрала бы целый чемодан». Легкий ветерок всколыхнул волосы, разметав их по плечам.

На террасе под большим раскрытым зонтом стоял круглый столик, застеленный белой скатертью. На нем дымился кофейник, рядом сверкали покрытые золотыми узорами крохотные чашки с блюдцами и тонкие ложечки, укрытые салфетками с монограммой. Узоры инициалов переплетались между собой в буквы «АК». На круглом серебряном подносе стояла стеклянная вазочка с большими ягодами сочной клубники со взбитыми сливками.

«Кто же решил покофейничать? Может, это Кир или барон?» – я опустилась на стул. Заметив на спинке пиджак, оглянулась, но вокруг никого не было.

Взяв клубнику, я обмакнула ее в сливки и съела. Но я не успела углубиться в чтение, так как услышала голос Кира:

– Похвально, что ты прислушалась к моему совету, – мужчина неторопливо спустился по ступеням. На нем красовались узкие брюки и белая рубашка с жилетом, воротник которой был сцеплен тонкой цепочкой с сапфирами. Черные волосы он заплел в косу.

– Ты решил сделать перерыв? – кивнула я на кофейник.

– Да, иногда нужно проветривать голову, чтобы взглянуть на определенные вещи свежим взглядом, – он присел рядом и налил себе кофе.

– Я стащила у тебя одну клубничку, – раскаялась я в содеянном, скрывая улыбку за раскрытой книгой.

– Нет тебе прощения, – он усмехнулся, обмакнув ягоду в сливки и запив горячим напитком с ароматом ореха.

Так мы просидели в некотором молчании, пока не подошел Нарбор. Он принес на подносе стопку писем, оставил их на столе, и, поклонившись Киру, удалился.

– Мне кажется, что лорд настолько зашугал своих слуг, что они боятся слово лишнее сказать, – шепнула я Киру, пока он вскрывал письма ножом. – А еще Нарбор не в восторге от моего обеда на кухне с поваром за компанию.

– Разве в столовой не было накрыто, что тебе пришлось обедать в кухне со слугами?

– Не было, но эту проблему я решила в кратчайшие сроки. Приятно было познакомиться с Иолантой.

– Даже так? – он удивленно вскинул брови, не отрываясь от прочтения письма. – С ней тяжело подружиться. Она очень хорошо чувствует людей: если ей кто-то с первого взгляда не понравился, то это навсегда. Кстати, вечером лорда Аристида не будет, не жди его – дела. Но, думаю, мы с тобой уже решили твой вопрос, и ты останешься здесь...

Я тяжело вздохнула:

– Останусь, куда мне деваться, а насчет интуиции Иоланты я понимаю.

«У Снежки, видимо, то же самое в отношении старой гадюки Елизаветы и ее прихвостня Алисы», – я решила боль-

ше ничего не говорить Киру, видя, что он занят.

«Из того, что я прочла, можно сделать вывод: магия передавалась от матери к ребенку. Если же в семье кто-то принадлежал к другой расе, то у ребенка, возможно, даже не в первом поколении, открывались способности к той или иной стихии. Ну, прямо пятый элемент! Осталось понять, есть ли у меня предрасположенность к стихии, надеюсь, это не огонь. А то боюсь, что с его освоением я подпалю не только брови, но и все волосы, и будет невеста лорда с париком», – не удержавшись, я рассмеялась вслух, переворачивая страницу и не обращая внимания на озадаченного моей реакцией Кира.

«Какие у нас расы готовы к связям с людьми? О-о-о... да здесь целый список! Хм, оказывается, их не так много, но исключения есть у каждой. Вампиры, оборотни, русалки, драконы, демоны. Боже, кого здесь только нет, – скинув балетки с ног, я подтянула к себе босые ноги, полностью уютившись на стуле, как кошка. – Если у меня в роду был хотя бы один оборотень, то, возможно, я могла бы перевоплотиться, хотя написано, что в таком случае у меня должны быть особенности вроде слишком чуткого для человека обоняния, зрения, слуха, развитой эмпатии, и каждый раз я должна реагировать на луну. Нет, это явно не про меня, как, впрочем, и про вампиров. Кровь меня не привлекает, сырое мясо тоже. Драконы? Никакого намека на чешую, а ведь я весь день в этом наполненном магией мире».

Я положила раскрытую книгу на столик и закатала рукава платья, внимательно осматривая запястья, а затем и ноги в чулках. Стоило подолу прикрыть щиколотки, как я встрети-лась с горящими синими глазами Кира. Мужчина так на меня смотрел, будто хотел съесть на месте, не запив кофе.

– Надеюсь, каннибализм в вашем мире не приветствует-ся? А то ты так на меня смотришь, что становится не по себе.

– Что ты сейчас делала? – сдержанно спросил он.

– Пыталась понять, нет ли у меня предрасположенности к драконьим генам. В книге написаны некоторые признаки той или иной расы. Наследственность – это серьезно.

Он усмехнулся и покачал головой:

– Ты не дракон. Они слишком импульсивные в человече-ском обличье, особенно женская половина. Ты же слишком спокойная и рассудительная. Я пока что не встречал никого, кто при перемещении в другой мир рассуждал и вел себя так, как делаешь ты.

«Когда у тебя появляется ребенок, сложно чему-то уди-виться», – подумала я.

– На вампира тоже не тяну, солнце мне не страшно, и тебя укусить не хочется, – я взяла еще одну клубничку.

– Магия в тебе есть, тут даже к гадалке ходить не надо. Говорю тебе как маг, но вот есть ли у тебя предрасположен-ность к чему-то, кроме нее – неизвестно. Нужно время.

– Ну да, надеюсь, никто не станет проверять меня на проч-ность. Я планирую вернуться домой живой и, по возможно-

сти, невредимой. И потом, ты даже не рассказал, какие конкурсы там будут. Испечь пирог, станцевать канкан, сыграть на балалайке или стриптиз?

Кир громко расхохотался, утирая выступившие на глазах слезы.

– Нет, стриптиз у нас приветствуется только в квартале красных фонарей или у замужних барышень. Конкурсы разные, будет и музыка, и танцы, и готовка. Все придумывает барон Миртил, он раньше был распорядителем балов у нашего короля Улириана. А сейчас на пенсии.

– Хороша пенсия, ничего не скажешь. На старости лет девиц разглядывать. Может, ты посоветуешь мне какого-нибудь репетитора по вашим танцам?

– Можно, если ты так хочешь. Хотя я бы на твоём месте всю неделю бездельничал, валяясь в кровати и опустошая запасы Иоланты.

– Соболезную твоему горю, много дел, вон сколько писем от поклонниц, – я похлопала его по плечу, кивнув на корреспонденцию, а затем встала и, поддерживая подол платья, спустилась на мягкую траву.

– Ты не боишься простудиться? А вдруг тебя кто-нибудь увидит и осудит за такое легкомысленное поведение – нахождение рядом с женщиной без сопровождения дуэньи? – шутливо спросил Кир.

– На улице тепло, а здесь, кроме тебя, меня никто не увидит, да и что с того? Занимаюсь оздоровительным процес-

сом, ходить босиком очень полезно, сам попробуй, – я подняла подол платья, обнажая крепкие икры, затянутые в полупрозрачные чулки, словно дразня мужчину. – Что до сопровождения, разве я не могу быть уверена в тебе, как в спутнике, который защитит меня от дурных взглядов и слов? Или мне уже бояться, что ты начнешь распускать руки?

Кир покачал головой, но больше ничего не сказал, продолжив читать письма. Я стянула чулки, убрав их в карман юбки, и стала неторопливо прогуливаться по мягкой траве. Когда повернула обратно к террасе, на последней ступеньке меня ждал Кир. В одной руке он держал балетки, а вторую протягивал мне, и я взялась за нее.

– Почему в твоей обуви салфетки? – удивленно спросил он.

– Они мне велики, вот и подложила.

– Чудеса находчивости. Я распоряджусь, чтобы завтра пришел обувных дел мастер и швея.

– Было бы чудесно, надеюсь, это не введет лорда в финансовый кризис, я и в этих могу походить. В шкафу есть несколько подходящих мне по размеру платьев... – но Кир остановил меня осуждающим взглядом.

– Кира, сейчас ты гостя лорда и одна из конкурсанток, поэтому все, что касается твоего гардероба, состояния здоровья и безопасности – касается и лорда. И впредь, будь любезна, не перечь и не говори, что тебе ничего не нужно, иначе все вокруг решат, что ты простолюдинка, которая счаст-

лива от того, что у нее есть несколько новых платьев и обувь другого размера.

От этой строгой речи мне даже стало не по себе, но он был прав, и я кивнула.

– Раз торчать тут целую неделю до начала конкурса, может, сходим куда-нибудь на разведку? – спросила я. – Сидеть в четырех стенах и никуда, кроме сада, не выходить, скучно. Нужно ведь узнать ваш мир.

– Можно устроить, только если ты будешь пайнкой.

– Обещаю не таскать из твоей тарелки еду и ходить обуютой, – я сделала реверанс, подражая девушкам из старых фильмов.

– Этому конкурсанток тоже будут обучать: этикет в нашем мире очень важен.

– Не переживай, я не ударю в грязь лицом, ты просто не видел меня в туфлях. Так что все впредь, – о правильной осанке я знала не понаслышке.

На работе, при общении с деловыми партнерами, я должна была выглядеть эталоном грации и учтивости. От посетителей начальника в моей тумбочке появились куча шоколадок, конфет, чайно-кофейных подарочных наборов; я помнила их заигрывания и сладкие речи. «Идеальная осанка и умение правильно, а главное, красиво ходить на каблуках – наше все», – инструктировал Артемий Викторович, и это сказывалось на моих ногах и поясице.

Его указы, а также оплаченные курсы по этикету и бальным танцам не прошли даром. Первое оттачивало умение вести себя прилюдно, а второе – для грации и гибкости в движениях. Тогда я не жаловалась и радостно узнавала что-то новое, а главное, полезное для себя. И не зря мучилась, натирая пятки и пальцы новыми туфлями, не зря мазала спину разогревающей мазью.

При виде других секретарей и помощников своих коллег шеф кривил губы, а потом, когда мы уезжали с очередного мероприятия, ругал их: «Кривоногие неумехи. Сиськи, губы сделали, лохмы поотрастили, а манеры – как у базарных девок. Даже кофе, не расплескав, не могут подать, не говоря уже о приличной одежде!»

«Знал бы Артемий Викторович, как мне пригодятся эти курсы!»

* * *

Остаток дня Кир провел в кабинете, занимаясь корреспонденцией.

Я читала книги, слонялась по поместью, изучая комнаты: увидела бальную залу, музыкальную комнату с большим роялем, спальни для будущих конкурсанток, и к семи вечера меня начало клонить в сон. Ужинать я не захотела и, приняв душ, облачилась в родную пижаму и юркнула под одеяло. Сон пришел быстро, в нем я видела Снежану. Она сидела на

кухне с большой чашкой горячего молока с медом и маслом. На шее повязан широкий шарф.

Бабушка крутится у плиты, пробуя суп на вкус и добавляя немного соли. За окном день.

– Ба, а когда мама вернется? – охрипшим голосом спросила Снежинка.

– Не знаю, детка, она ведь в командировке. Но думаю, что скоро... – женщина обернулась и посмотрела на то место, где я стояла в виде полупрозрачного духа. Поведя носом, мама вдохнула полной грудью и прошептала: – Не знаю, как тебя угораздило туда попасть, но я жду твоего возвращения. С водой пришла, с ней и вернешься. Русалки никогда не оставляют своих в беде, просто позови их...

Я понимала, что она обращается ко мне, чувствуя мое присутствие.

– Ба, ты о чем? – Снежана выпила половину чашки и теперь морщилась: она терпеть не могла молоко.

– Да так, сама с собой. Надо измерить тебе температуру. Кухню заволокло туманом, и я открыла глаза. За окном глубокая ночь, на часах – три.

«Как же долго я спала?» – сна не было ни в одном глазу.

Остаться в комнате не хотелось: надев тапочки и накинув халат, я бесшумно спустилась в кухню.

Из окна сюда проникал лунный свет, но чтобы наверняка ничего не задеть, я взяла с плиты коробок со спичками и подожгла все три свечи в подсвечнике на столе.

Здесь стоял и относительно похожий на современный холодильник высокий деревянный шкаф, внутри которого обнаружилось нечто, напоминающее сейф с полками. Внутри мерцал синий магический шарик, от которого исходил холод, сохранявший свежесть продуктов.

«Интересно, как они регулируют температуру?» – я достала охлажденное куриное мясо, сыр и листья салата. В хлебнице нашлась половинка багета. На верхней полке стоял чайник, и пришлось взять стул, чтобы достать его, когда сзади послышался чей-то смехок.

Вскрикнув от испуга, я резко обернулась и свалилась со стула, но меня успели поймать сильные мужские руки. Клацая зубами и прижимая к груди чайник, я увидела Кира.

Мужчина был в длинном фиолетовом халате и такого же цвета тапочках, раскрытый ворот обнажал безволосую грудь, а черные волосы собраны в хвост.

– Ч-чайку захотел? – дрожащим голосом спросила я, тараща на него во все глаза.

– Д-д-да, – передразнил он меня, ставя на пол и забирая чайник.

Щелчок пальцев, и на плите появился круг огонька. Налив из-под крана воды, он водрузил чайник на огонь.

– Я смотрю, ты решила выполнить свою угрозу и под покровом ночи напала на кухню Иоланты, – на его лице бродила усмешка.

– Только не говори, что я тебя не предупреждала. Голод-

ная женщина, особенно посреди ночи, опасна для окружающих, – наставительным тоном поведала я, возвращаясь к ингредиентам для бутерброда. – Тебе сделать?

– Ну сделай, если не шутишь.

– Пф! – фыркнула и протянула на тарелке готовый бутерброд. – Кушайте, не обляпайтесь, сударь.

И с удовольствием впилась зубами в свой. Если бы не появление Кира, я могла бы спокойно обдумать свой сон. «Может, стоит поделиться с ним? Ведь он никому про меня не болтал, хотя пока особо некому. Камердинер и барон и так все знают».

– А чего это ты маньячишь по ночам? – с набитым ртом спросила я, следя за тем, как он скептически осмотрел бутерброд, а потом откусил и, прежде чем мне ответить, быстро прожевал. «Культура так и прет».

– Тоже проголодался. Судя по всему, мы оба пропустили ужин.

– Отвечал на письма своих фанатов?

– Невест лорда, – он оттяпал еще кусок и посмотрел на быстро закипающий чайник.

Я отложила еду на тарелку и сняла с крючков две чашки.

В шкафчике обнаружилась сахарница, мед, варенье и джем, а вот следующая полка была сплошь забита банками с рассыпчатым чаем и кофе.

Кир встал позади меня, пока я думала, какой сорт хочется попробовать.

– Возьми с карамелью, не прогадаешь – это мой любимый, – шепнул он на ухо.

Я взяла баночку, обернутую фиолетовой этикеткой с изображением пластинок с карамелью.

Кир потушил огонь, снял чайник с плиты и залил кипятком в заварник, куда я насыпала две ложки чая.

«Ни дать, ни взять – семейная идиллия», – эта мысль заставила меня улыбнуться.

Мы устроились за столом: я с ногами забралась на стул, а Кир сел сбоку.

– Ты веришь в сны? – шепотом спросила я, согревая холодные пальцы о горячую чашку с чаем.

– Когда как. В нашем мире снам придают небольшое значение, несмотря на то, что мы окружены магией. Но есть и те, кому действительно снятся вещие сны. Почему ты спросила? – в его синих глазах появилась подозрительность, и я не могла понять, с чем это связано.

«Он вроде и говорит всегда спокойно. Сам по себе сдержанный и одновременно умеет посмеяться, но глаза – слишком много в них скрытой опасности. Какая-то неестественная синева...»

– Мне приснился сон, в котором я видела свою маму и дочь. Они сидели на кухне, мама варила ей куриный бульон, а Снежинка морщилась, пока пила горячее молоко, – я улыбнулась, вспоминая лицо дочери, заботу мамы, обстановку квартиры. – Но было ощущение, что мама меня увидела. Она

сказала, что я вернусь, а еще сказала, что русалки никогда не оставляют своих в беде. Что бы это могло значить?

– Хм, либо это просто сон, либо... Ты никогда не испытывала тягу к воде? Единение с ней или что-то в этом роде?

Я надолго задумалась, вопросы Кира навеяли воспоминания.

С детства я не боялась воды, быстро научилась плавать, и даже когда заплывала далеко, то ничуть не уставала. В воде мне было комфортно, особенно в дождь, но, сколько себя помню, я терпеть не могла морепродукты. Они просто не лезли в горло, и если я видела свежую рыбу или кальмаров на прилавке, то меня подташнивало.

– Сложно сказать, я люблю купаться, но кто не любит поплескаться в море или бассейне? – я пожала плечами.

– Просто купаться и чувствовать единение с водой – это разные вещи. Но об этом пока что рано говорить, поскольку в тебе не проявилась магия, – он встал из-за стола и подошел к стеклянному буфету, где стояли золотые коробочки. Вытащив одну из них, он поставил ее на стол и открыл крышку.

Это оказалось похоже на восточные сладости, и я с удовольствием их попробовала, запивая чаем.

– Ты не знаешь, у лорда Аристида нет собак или котов?

– Котов нет, но у него есть два волка – Тобиас и Маулес.

– Настоящие волки? Они большие?

– Завтра увидишь, если не вздумаешь совершить ночную прогулку по саду, – он многозначительно на меня посмотрел.

– Намек поняла, – покончив с бутербродами и сладостями, я убрала посуду в раковину и быстро все вымыла.

Вытирая полотенцем руки, я поймала на себе немного удивленный взгляд мужчины.

– Да, я вымыла посуду, тебя снова что-то не устраивает? – развесила полотенце на спинке стула и, погасив свечи, прошла мимо него.

На лестнице Кир нагнал меня и осторожно взял под локоть:

– Мало ли, вдруг у тебя опять обморок случится, а ведь конкурс невест еще не начался.

– Я тебя умоляю, все на твоём конкурсе будет в порядке. Может, и тебе найдем там даму сердца, если, конечно, лорд не выберет ее раньше. Какие у него критерии по отбору будущей жены?

– Умная, спокойная, беспроблемная, умеющая вести себя в обществе и подавать пример другим. Привлекательная, сильная в магии, и чтобы в ней было нечто особенное, что привлечет к ней лорда как мужчину к женщине.

– Ну, если барышни вздумают показать ему широту своей души, – я провела руками от груди по талии. – То, думаю, он даже не вспомнит о том, что у него вообще есть какие-то требования. Мужчины любят глупеньких девушек, а умниц-разумниц боятся, как, впрочем, и просто сильных духом. Правда, судя по тому, что вы все при нем и отнюдь не глупцы, то я могу предположить, что он умен и дальновиден,

раз решил сделать из выбора эдакий конкурс. Завоюй мое сердце, а пятку получи в подарок, – со смешком сказала я.

– Поверь, у него слишком много забот, чтобы сидеть целыми днями и выбирать, как карту из колоды, какая же невеста ему подходит. Он терпеть не может тратить время зря, и к кандидатке будут самые высокие требования. Стать женой лорда – это ничто, а вот самого советника короля и главного мага в одном лице – совершенно другое.

– Боги! Неужели за беднягу выйдут замуж по расчету, а не из-за светлого чувства и сердца, полного страсти? – я комично вскинула руки вверх и тут же приложила к груди. – Представляешь, каково ему придется? Беднягу будет осаждать целая компания девиц, кстати, сколько их всего прибудет?

– Я получил письма-подтверждения от тридцати семейств.

«Ничего себе конкурс, столько девушек на одного мужика!»

Кир открыл дверь в мою комнату и вошел следом, осматриваясь.

– Мне его искренне жаль, но я-то точно ему не подойду, – я зажгла светильник у кровати. – Во-первых, я не из ваших мест, во-вторых, у меня дочь от первого брака, и я уже не невинная дева...

– Больше всего лорду важна сила невесты, поэтому будь спокойна. Невинность в приоритете только у молодых леди из приличных семей. Никому не захочется брать ту, которая

очернила свою репутацию. В эту категорию не входят вдовы и разведенные, а такие тоже будут присутствовать на конкурсе. Чуть позже ты сама все узнаешь.

– Но если всех будет досматривать врач и на всю ивановскую, точнее валенторскую, известит, что я чуть ли не падшая женщина? – я присела на край кровати, а Кир заботливо укрыл меня пледом.

– Врач не станет тебя досматривать или тем более всем рассказывать личную информацию – это запрещено. Если же начнутся вопросы конкретно от конкурсанток, то ты имеешь полное право не отвечать на них. Те, кто опорочил свою честь, будут отсеяны.

– Строгие правила, – мне было искренне жаль девушек, у которых мог случиться подобный конфуз. «Конечно, в их мире другие правила, а этикет как жесткие тиски, в которых живешь всю жизнь. Шаг влево, шаг вправо – расстрел на месте, а точнее, плаха или что-то похуже».

– Ну а по уровню магии? Как я за неделю смогу ее в себе развить, чтобы меня не выгнали?

– Это называется инициация. Для нее необходимо какое-нибудь сильное душевное потрясение.

– То есть мне пойти и выпрыгнуть из окна, чтобы как следует встряхнуть себя? А точнее вытряхнуть душу из моего бренного тела, – моё лицо выражало абсолютный скепсис.

– Лекарь тебя подлатает, но не факт, что лорд будет благодарен той, которая устроит шум и привлечет лишнее вни-

мание к его дому и персоне.

– Значит, он не из тех, кто пристаёт к беззащитным девушкам в полумраке их апартаментов... – от моего намека глаза Кира недобро блеснули, но я тут же улыбнулась, шутливо бросив в него атласной подушкой, которую он ловко поймал. И продолжила спрашивать:

– Есть какие-то правила конкурса? Ну там... как в Библии – не убий, не прелюбодействуй и прочее.

– Естественно. Вы, девушки, коварные создания, поэтому любая, вздумавшая навредить сопернице, будет дисквалифицирована и покинет поместье. Пока в тебе не пробудилась магия – будь осторожна и не вступай в конфронтацию с опытными магиссами.

– Может, мне переманить к себе кого-нибудь из волков лорда? А что, будет спать со мной, защищать, пока я без магии как без рук.

– Хм, неплохая идея, – Кир одобрительно кивнул головой. – Я поговорю с лордом об этом. Но учти, натравливать животное на конкурентку также чревато исключением.

– Главное, чтобы они сами не вздумала лезть к волку. Эх, Барсик, жаль, тебя нет рядом.

– Барсик? Что это за тип? – лицо Кира посуровело.

– О-о-о... это мечта, а не просто тип. Он большой, нежный, с рыжей шевелюрой, хорошим аппетитом и острыми когтями, – я мечтательно улыбнулась. – Я называю его меховой подушкой. Дочь раскормила его до таких размеров, что

когда он ходит по квартире, то покачивается, как бочонок.

– Меховая подушка? Он что... зверь какой-то?

– Зверь, а еще вечно голодный кот и просто попрошайка.

Кир засмеялся, а за окном начало светать.

«Мы проболтали до рассвета».

– Я пойду, – заторопился Кир. – Будет нехорошо, если о тебе до конкурса поползут дурные слухи.

– О да! Как скажете, господин Кир, или, быть может, у тебя есть другой статус? Барон, маркиз, кто там еще?

– Граф, виконт? – предложил он, разведя руки в стороны. – Титулов много, но я один. Спокойной ночи, Кира, – и он скрылся за дверью.

Наблюдая, как небо светлеет за окном, я опустила полог и забралась под одеяло.

«Снежинка, у тебя сейчас вечер, поэтому спокойной ночи, моя девочка».

Проснувшись я в два часа дня и еще долго лежала в постели, осмысливая всё, что со мной произошло. «Это не сон, но и не кошмар. Я просто в безвыходном положении. Радует, что моя клетка и общество в виде Кира весьма приятны».

Меня никто не тревожил, никакие будильники не срабатывали, и главное, рядом не было горничных, которые помогали бы мне каждую минуту. Терпеть рядом с собой посторонних людей я не собиралась.

«Моя комната – моя крепость. Помыться, как и одеться, я

могу сама. Прически мне пока что не нужны, да и Кир ничего не говорил про внешний облик. Хотя, возможно, мои босые ноги его действительно смутили. После жизни с Кириллом я перестала замечать вокруг себя мужчин и думать, что у них, оказывается, тоже есть глаза, и они видят во мне женщину».

Играть с симпатией Кира я не хотела: «Лучше иметь соратника, чем любовника на одну ночь». Хотя, к моему удивлению, в его присутствии, за исключением временами холодного взгляда, я чувствовала себя комфортно. Обычно я чувствовалась незнакомых мужчин, а в Кире с первых минут ощутила что-то родное, странное и от этого немного пугающее.

— Будто мы давно знакомы... — задумавшись, я выползла из-под одеяла и направилась умываться.

После водных процедур меня ждал выбор нового наряда. Ходить в одном и том же я не любила и бросила вчерашнее платье в корзину с нижним бельем.

О дезодорантах здесь не было и речи, но меня выручил пузырек с жидкостью, которая пахла мятой. Вчера она оказалась полезной, поэтому о неприятностях из-за подмышек я могла спокойно забыть. Вместо привычных «ежедневок» пришлось использовать сухую салфетку и надеяться на то, что у меня не скоро начнутся критические дни. Станка для бритья здесь тоже не нашлось, но в шкафчике стояла банка со странной смесью: запах как у крема для депиляции, но поскольку я позаботилась об этом еще в современном мире, то убрала вонючее вещество обратно.

Сегодня я выбрала чернильное, облегающее грудь и талию, платье из сатина. Такое гладкое, без единой складки. Рукав «три четверти» пришелся мне по вкусу и, выглянув в открытое окно, я убедилась, что погода теплая.

Волосы я убрала наверх, закрепив заколкой в виде морской звезды из серебра: аксессуар не дал прическе рассыпаться.

Здесь не было необходимости пользоваться косметикой: то ли перемещение между мирами сказалось, то ли здешний воздух и еда, но за сутки я стала выглядеть намного лучше, чем до этого. Исчезли круги под глазами, волосы блестели, даже бледность куда-то ушла, оставив место ровному, матовому тону кожи. Единственное, что я подкрасила – губы. На зеркальном столике имелась баночка с розовым бальзамом.

«Мне бы такой вид раньше, сэкономила бы кучу денег на салонах красоты и косметике».

В этот раз я решила обуть туфли: черные, атласные, с острыми носами и тонким каблуком. Порадовавшись тому, что он невысокий, я отправилась в столовую.

Глава 4

Удобство поместья заключалось еще и в том, что почти все полы были застелены либо мягкими дорожками, либо широкими коврами. Оттого в туфлях я шла так, словно ступала по облаку. И потому вплыла в столовую под изумленные взгляды обедающих Кира и барона Миртила. Последний не успел донести ложку супа до рта, поскольку смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Я подошла к столу и, держа спину ровно, слегка поклонилась, придерживая пальцами край платья.

– Господа, приветствую вас и прошу прощения за то, что позволила себе немного задержаться, – я чинно прошла вдоль стола и села на отодвинутый камердинером стул. – Добрый день, Нарбор, надеюсь ваш вчерашний кашель прошел. Выглядите вы цветуще, – заботливо добавила я, от чего камердинер покраснел.

– Приветствую, леди Кира, благодарю за заботу, мне гораздо лучше, – он поклонился и отошел в сторону.

– Кира Константиновна, вы поразили меня в самое сердце. Какая перемена, вас словно подменили, – барон донес-таки ложку до рта.

– Вы мне льстите, – «Видел меня только в пижаме и уже восторгается», – скептически подумала я.

Кир всматривался в каждую черту моего лица и фигуры,

оценивал простую, но элегантную прическу, наряд и наконец-то заявил:

– С трудом смог узнать вас, леди Калиновская. Оказывается, я не утратил способности удивляться.

Я едва сдержала улыбку и приступила к еде: суп был выше всяких похвал, а вместо мяса на второе я предпочла салат.

Нарбор подливал нам вина в бокалы: барон и Кир пили красное, а мне принесли бутылку белого, но не того, которое я пробовала вчера.

«Надеюсь, лорд Аристид не обеднеет. Если конечно, Кир собственноручно не лазил за вином в погреб».

Обед прошел в спокойной обстановке. Мужчины обсуждали свои дела, в которые я не влезала, но внимательно слушала. Но ничего интересного, кроме того, что оба явно приближены к королю Улириану, не выделила.

Горячие блюда сменили на десерт, и я бросила взгляд на Нарбора.

– Леди Кира, все в порядке? – камердинер незамедлительно подошел ко мне. – Быть может, вы чего-то желаете?

– Нарбор, я хотела бы выпить карамельный чай.

От моих слов старик удивленно вскинул брови и, замешкавшись, ответил:

– Но... это любимый чай лорда, и он никому не...

– Нарбор, вы ведь слышали леди, – прервал его Кир, и я с непониманием на него посмотрела. – Попросите Иоланту заварить чай, лорд не будет против.

Мне снова стало не по себе от этих синих глаз. «Надеюсь, Нарбору не достанется из-за меня».

Барон всего этого не заметил: вместе с кофе ему принесли газеты, одну из которых он стал очень внимательно читать.

– Барон, прошу прощения, что отвлекаю вас, но могу я попросить дать мне одну из ваших газет?

Миртил протянул ее, чему я очень обрадовалась, потому что сидеть в молчании и смотреть в одну точку мне не хотелось. Обычно в такие моменты я читала книгу на планшете, но сегодня придется довольствоваться местными газетами.

Чуть погодя Нарбор принес чай, и это была не просто одна чашка, а целый чайник для меня и Кира. Барон бросил на нас быстрый взгляд, его усы шевельнулись от улыбки, которую он скрыл, сделав глоток кофе.

Газета называлась «Валенторский вестник». Миртил шелестел страницами «Политики».

«Ох уж эти мужчины. Разные миры, а интересы одни и те же», – подумала я, читая заголовок статьи под названием: «Невесты для лорда Аристиды. Маг короля или жених?»

Наслаждаясь вкусом карамельного чая, я погрузилась в чтение:

«Некоторое время назад нам стало известно, что советник его величества Улириана, Магистр магии и верноподданный нашего короля лорд Аристид, изъявил желание выбрать себе невесту.

На роль жены советника претендуют многочисленные де-

вушки нашей и соседних стран, а потому королем было принято решение о проведении конкурса на роль самой прекрасной и достойной партии для лорда.

Из анонимного источника нам стало известно, что в конце этой недели, в поместье лорда Аристиды съедутся красавицы со всего королевства. Кто же та прелестница, которая завоюет ледяное сердце советника и разожжет в нем пламя страсти?!

Следите за нашими новостями и ждите новый выпуск на следующей неделе!»

Я еле сдержалась, чтобы не рассмеяться в голос. «Казалось бы, короткая заметка, а заняла всю страницу, да еще шрифт выбрали такой, чтобы точно никто не пропустил, даже подслеповатая старушка. Н-да, чувствую, достанется нашему лорду с этими распрекрасными девами».

В столовую быстро вошла служанка, она что-то зашептала на ухо Нарбору и удалилась.

– В чем дело? – спросил Кир.

– К леди Калиновской пожаловали мастера, – оповестил камердинер.

Я тут же отложила газету: «Нехорошо заставлять людей ждать». Но меня остановил строгий взгляд синих глаз, говорящий: «Ты не простолюдинка, а настоящая леди. И не должна мчаться к тем, кто ниже тебя по статусу».

Я выждала пару минут, неторопливо допив чай, и встала из-за стола:

— Господа, спасибо за компанию, но я вынуждена откланяться, — я зацокала каблуками, последовав за Нарбором.

Камердинер привел меня в одну из комнат на первом этаже, где поджидали башмачник и модистка. Они поклонились и приступили к своим обязанностям.

Первым я освободила мастера по обуви, попросив смастерить или прислать уже готовые атласные балетки разных цветов, а также остроносые туфли с каблуком не выше десяти сантиметров. Мастер заверил, что половина готовой обуви у него уже имеется, и он сегодня же оформит доставку, а вечером обувь будет у меня. Я его поблагодарила, и Нарбор увел мужчину, оставив нас с модисткой наедине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.